

Перечитывая Бунину

Век - 1995 -
20 Окт. - с 12

К 125-летию со дня рождения писателя

Виктор ЛИННИК

Сегодня мощный талант Бунина, чеканная и чувственная бунинская проза, сама его жизнь могут восприниматься как завет и укор нашему времени, почти безнадежно оторвавшемуся от русской культуры, бредущему — или затаскиваемому — в некое мифическое «цивилизованное» сообщество под аккомпанемент исковерканной газетной строки и американизированных шоу на телеэкране. Бунин был мостом между великой русской литературой XIX века и веком нынешним. Он кровно скреплен и с веком XVIII, ибо состоял в родстве с самим В. Жуковским, чья, по словам Пушкина, «стихов пленительная сладость прошла веков завистливую даль»...

Бунин из времени, когда писательство на Руси было Служением, общение с читателем — воспитанием чувств. А не развлекаловкой, как ныне. Вот почему литература у нас всегда отличалась от беллетристики, более свойственной Западу. Во всяком случае до последнего времени.

Существует и урок бунинской судьбы. Превратностей и передряг в ней хватило бы не на одну исковерканную жизнь: первая публикация в 16 лет, почти мгновенная известность в литературных кругах, звание почетного академика по разряду изящной словесности в неполные 40, бегство из Одессы в эмиграцию в 50, звание первого русского нобелевского лауреата в 63 — и унижительный — до раздевания — обыск немцами на обратном пути из Стокгольма. И затем годы бедности — такой, что обычными становились голодные обмороки. Сколько людей недюжинных сломалось — но не Бунин, который продолжал творить чуть ли не до самого смертного часа. И делать такие вещи, которые — теперь уже ясно — останутся эталоном высшей пробы в русской литературе. Казалось, его порода — почти 600-летнее дворянство, как у Пушкина, — в этом и проявилась: в негибкости под ударами судьбы.

Он был истовым хранителем и гневным защитником русского языка еще тогда, когда его разрушение не достигло тех масштабов, которые мы видим ныне. Он возмущался сочетанием «роскошная женщина» и говаривал в сердцах: это хуже, чем газетное «чреватый». Сегодня эти выражения почитают изыском современного газетного слога.

Эмиграция стала поистине трагическим рубежом в биографии Бунина, порвавшего навсегда с родной русской землей, которой он был, как редко кто, обязан своим прекрасным даром и к которой он, как редко кто, был привязан «любовью до боли сердечной». Иногда кажется, что страшный груз эми-

грации, давивший на него три с лишним десятилетия, и сделал настоящего, знакомого нам Бунина, все существо которого противилось забвению, сопряженному с изгнанием, память которого сохраняла с поразительной силой мельчайшие детали и самый дух прошлой жизни, поэтическая зоркость которого обострилась в отдалении до необычайной степени.

Он только в этот период и стал самим собой, почти забросив писать о мужиках и давая, как он саркастически замечал, «сочувственные картины из жизни народной». Любовь и смерть — вот две его темы. Сколько из его рассказов названо женскими именами! Сколько раз стреляются на его

страницах из-за неразделенной любви, измен и побегов! Сколько здесь неожиданных сближений, роковой разделенности в любви, физического томления...

Наслаждение, которое испытал каждый, осиливший «густую, как бульон» (выражение Чехова) прозу Бунина, сравнимо только с впечатлением от Пушкина, Толстого и Чехова — трех для Бунина «богов» русской литературы. Соприкосновение с Буниным всегда вызывает подлинное волнение перед той мощью, с какой владеет он словом, той горечью, с какой повествует он о падении после величия, смерти после наивысшего счастья, увядании после непобедимой весны. Его лучшей формой стал рассказ, почти исчезнувший, как горько заметил мне однажды Виктор Астафьев, из русской литературы...

Он был человеком с крутым характером. И все же скупой на похвалы, ревнивый к чужому успеху, Бунин заметил и отозвался комплиментарными открытками на работы Паустовского и Твардовского.

«Будущим поэтам, для меня безвестным, Бог оставит тайну — память обо мне», — писал он в одном из своих стихотворений. Эта память о Бунине и эта тайна — залог того, что сойдет шелуха нынешнего российского безвременья, развеется тьма беспомысленности, осядет пыль бездорожья, которым мы ныне бредем... И Россия выздоревает.